

Пятнадцатый Всемирный конгресс по иудаике

С 2 по 6 августа 2009 г. в Иерусалиме прошел Пятнадцатый Всемирный конгресс по иудаике (The Fifteenth World Congress of Jewish Studies). Как следует из номера Конгресса, это событие традиционное. Действительно, такие конгрессы проходят в Еврейском университете (The Hebrew University) каждые четыре года на протяжении уже 60 лет, т.е. почти с момента возникновения Государства Израиль. В этот раз это научное событие собрало более полутора тысяч исследователей: историков, филологов, антропологов, лингвистов, искусствоведов со всего мира, в том числе и из стран бывшего СССР. В течение пяти дней работало 380 секций, на которых было прочитано около 1400 докладов. Темы были самые разнообразные: мир Библии; раввинистическая литература; еврейская философия; история еврейского народа и современное еврейское общество; еврейское образование; литература на иврите; еврейские литературы и еврейский фольклор; еврейские языки — иврит, иудео-арабский, идиш, ладино; еврейское искусство — архитектура, живопись, музыка, театр, кинематограф; и мно-

Валерий Аронович Дымшиц

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
vodym1959@gmail.com

Марина Валентиновна Хаккарайнен

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Университет г. Хельсинки
marhakka@eu.spb.ru

гое другое. Эти темы и проблемы обсуждались на множестве разных языков: хотя основными рабочими языками Конгресса были иврит и английский, звучали доклады и на других. Вообще динамика используемых на Конгрессе языков отражает смену исследовательских интересов и, если угодно, «моды» в мире Jewish studies. Так, в отличие от Тринадцатого конгресса, проходившего восемь лет тому назад, русский язык перестал быть одним из рабочих, резко уменьшилось количество докладов на идише, зато в разы выросло число сообщений на испанском и португальском, что отражает растущий интерес к культуре сефардов и к еврейским общинам Латинской Америки. Означает ли это, что изучение истории и культуры евреев Восточной Европы и России, в недавнем прошлом — одна из центральных тем в пространстве Jewish studies, понемногу «выходит из моды»?

На Конгрессе также прошли различные мероприятия культурного и научного характера: книжная ярмарка, концерты фольклорной и профессиональной музыки, показы фильмов, круглые столы и семинары. Пять дней кампус Еврейского университета на горе Скопус (высшая точка Иерусалима) гудел с 9 утра до 9 вечера как растревоженный улей, так что осветить такой обширный Конгресс в одном обзоре фактически невозможно. Остановимся только на двух аспектах работы Конгресса, так сказать, географическом и тематическом, которые выглядят наиболее значимыми для читателей «Антропологического форума»: на том, как на Конгрессе была представлена российская наука и какое место занимают антропология, фольклористика, этнография и устная история в обширной и пестрой вселенной современных Jewish studies. Существенно, что эти два разнородных аспекта Конгресса оказались тесно переплетены.

В рамках Конгресса прошло два специализированных круглых стола, посвященных развитию академической иудаики в России: “Jewish Studies in Russian: Expectations and Reality” и “The New Russian Jewish Studies”. Первый, организованной в рамках Конгресса фондом Чейза, подводил итоги развития академической иудаики в России; второй, как очевидно из названия, намечал ее перспективы.

Центральный доклад на круглом столе “Jewish Studies in Russian: Expectations and Reality” сделал профессор Аркадий Ковельман, директор Центра иудаики и еврейской цивилизации ИСАА при МГУ.

Профессор Ковельман, подводя итог двадцатилетнему развитию иудаики в России, говорил о том, что в самом начале своего существования в России иудаика была, скорее, обществен-

ным движением, нежели научной деятельностью. Теперь она завоевала иной статус и стала академической и учебной дисциплиной в ряду других научных гуманитарных дисциплин. Это привело к определенным последствиям. В научные и образовательные учреждения на смену активистам и энтузиастам, борющимся за признание и сохранение своего наследия (а по сути дела, формирующих его и для себя, и для внешнего мира), пришли профессионалы — люди, выстраивающие свою научную карьеру в этой области. И тут, если мысленно идти вслед за профессором Ковельманом, произошло «отслоение» исследуемого субъекта от объекта исследования. Это создало определенные вызовы для развития иудаики в России: российские специалисты, встроившись в международное научное сообщество, одновременно оказались оторваны от запросов своей потенциальной российской аудитории. Преодоление этого разрыва стало важной задачей социального аспекта существования академической иудаики в России. Кроме того, российская иудаика, закончив процесс институционального формирования, продолжает находиться в процессе поиска своей собственной академической «идентичности», своего места в системе мировых научных школ.

Возможность обсудить процесс обретения своего предметного поля российской академической иудаикой представилась на круглом столе “The New Russian Jewish Studies”. Его ведущим был историк профессор Шауль Штампфер (Центр им. Б. Динура по исследованию еврейской истории, Еврейский университет в Иерусалиме), немало сделавший для становления академической иудаики в России. В качестве приглашенных докладчиков на круглом столе выступили Михаил Крутиков (Факультет славянских языков и литературы, Университет Мичигана, Анн-Арбор, США), Юлия Лернер (Факультет социологии и антропологии, университет им. Д. Бен-Гуриона в Негеве, Беер-Шева, Израиль), Дэвид Шнир (Центр исследований по иудаике, университет Дэнвера, Колорадо, США) и один из авторов этих заметок, Валерий Дымшиц (Межфакультетский центр «Петербургская иудаика», Европейский университет в Санкт-Петербурге). Заинтересованная аудитория, в которой было несколько весьма авторитетных специалистов, приняла живое участие в дискуссии.

Несмотря на то, что название круглого стола звучало несколько двусмысленно, ни у кого из выступавших не было сомнений в том, что “Russian Jewish Studies” следует понимать не только и не столько как академическую иудаику в России, но, прежде всего, как изучение истории и культуры евреев России и СССР силами российских ученых и их зарубежных коллег. При этом основной интерес вызывал истекший XX век, т.е. «евреи

в СССР». Интересно, что такая фокусировка не стала предметом специальной рефлексии и воспринималась всеми участниками круглого стола как нечто само собой разумеющееся.

Михаил Крутиков обозначил наметившуюся ревизию в изучении евреев СССР, появление которой он связал с распадом Советского Союза и изменением политического контекста. С его точки зрения, «холодная война» в значительной степени определила взгляды Запада и Израиля (при этом первостепенную роль играл политический аспект) на историю советских евреев. Соответственно, на первом плане исследований оказалась городская интеллигенция, рассмотренная в рамках оппозиции «ассимиляция — национальное возрождение». В свою очередь эта оппозиция интерпретировалась преимущественно в сионистском ключе, т.е. как первая стадия на пути к эмиграции. Центральную роль в обсуждении истории евреев в СССР играл государственный антисемитизм, оценка которого была амбивалентной: с одной стороны, он служил поводом критиковать советскую власть, а с другой — он же способствовал сохранению идентичности, которую из отрицательной следовало перевести в положительную.

Самим советским евреям отводилась вполне определенная роль в этой схеме: своими жизненными историями они должны были ее подтверждать и иллюстрировать. При этом такая парадигма не позволяет понять, почему евреи так успешно интегрировались в советское общество и заняли важное положение «привилегированного меньшинства» в постсоветское время.

Теперь, когда политический аспект уходит на задний план, стало больше интереса к социальной, культурной, этнической и экономической истории евреев в СССР. Новые подходы показали, что советские евреи были не только объектом усилий, в основном деструктивных, со стороны власти, но и гораздо более активной и, вместе с тем, неоднородной группой. Современные попытки описать и классифицировать различные слои и группы еврейского населения, выявить разные полюса в советском и постсоветском еврействе, такие как: город и местечко, Россия и другие республики, интеллигенция и торговоремесленное сословие — привели к появлению нового, «ревизионистского» подхода, который представлен в книгах А. Зельцера, Д. Шнира, А. Штерншис, Г. Эстрайха.

Дэвид Шнир обратил внимание на условия, определяющие новый фокус исследований в поле иудаики: постколониальный и постсоветский контексты; включение в исследование новых для данных исследований дисциплин — антропологии и социологии; новых направлений — феминизма, городских исследо-

ваний (urban studies) и исследований диаспоры (diaspora studies). Он также обратил внимание на социальные и культурные явления последнего времени, влияющие на жизненные и научные позиции самих исследователей: особенности биографии, связанные с опытом миграции, мультикультурализм и мультилингвизм. Многие исследователи покинули СССР или постсоветскую Россию, заняли позиции в академических учреждениях других стран, стали частью национальных научных школ и международного научного сообществ. Т.е. в последнее время сами исследователи оказываются вписанными в новейшие общественные процессы и становятся объектом исследования. В этом месте происходит смыкание субъекта и объекта исследования, что требует от исследователя высокой степени постоянной саморефлексии.

Само появление академической иудаики в России означает изменение прежней жесткой субъект-объектной оппозиции в изучении советских и постсоветских евреев. Иудаика на русском языке, основном разговорном языке евреев в странах бывшего СССР и в многочисленной диаспоре, разрушает миф о «евреях молчания». Высокая степень саморефлексии по поводу смыкающихся друг с другом субъекта и объекта исследований участниками круглого стола была продемонстрирована в полной мере. Юлия Лернер в своем выступлении заострила внимание на субъектно-объектных отношениях в исследованиях иудаики и проблематизировала их. Она отметила, что ключ к интерпретации «новых российских еврейских исследований» лежит в вопросе: кто исследует кого и каковы отношения исследователя с исследуемым полем? Она критично отнеслась к партикуляризму, который до недавнего времени характеризовал исследования по иудаике, и призвала — если говорить в терминах профессора Ковельмана — не смешивать общественное движение и исследовательскую деятельность. Впрочем, тут можно заметить, что в поле профессионально ориентированной антропологии соблюдение дистанции и саморефлексия являются ее неотъемлемой частью, т.к. формирование объекта исследования происходит при помощи этнографического метода — т.е. отчуждения предмета описания от субъекта исследования. К тому же, многие российские исследователи, пришедшие в исследования по иудаике, шли от своих дисциплин, а не наоборот.

Наконец, Валерий Дымшиц говорил о том, что развитие иудаики в России по модели советской экономики, т.е. попытки равномерно развивать все направления исследований, невозможно и бесплодно. Российской иудаике предстоит обрести свою нишу, и такой нишей являются антропологические подходы к изучению евреев постсоветского пространства.

Фольклорно-этнографические и, позднее, антропологические штудии всегда занимали маргинальное положение в мире Jewish studies. В этом небольшом обзоре не стоит обсуждать причины такого положения. Заметим только, что в самые последние годы ситуация начала меняться, и во многом благодаря пионерским исследованиям, организованным российскими учеными. Таким образом, развитие иудаики в России и обретение ею своего собственного лица оказались неразрывно связаны с антропологическими подходами. Как это часто бывает, российские исследователи, составившие самую молодую из научных школ в иудаике, добились заметного прогресса именно в маргинальных (в недавнем прошлом) областях этой науки.

Справедливость этого тезиса подтвердил и сам круглый стол, прошедший в основном под знаком антропологических подходов к истории и культуре российского и советского еврейства, и круг заинтересованных специалистов, собравшихся для участия в нем. Среди последних следует отметить специалиста по истории еврейской этнографии в СССР Дебору Ялен (США); автора только что опубликованной биографии Л.Я. Штернберга, профессора Сергея Кана (США); и автора классических работ о евреях в СССР, пионера в изучение «советской еврейской» повседневности профессора Мордехая Альтшулера (Израиль).

Не менее выразительным подтверждением существования новых, т.е. по преимуществу антропологических подходов к иудаике, развивающихся в России, были и сами доклады, прозвучавшие на Конгрессе. Прежде всего, это выступления петербуржцев и москвичей, которые участвовали в организованных центром «Петербургская иудаика» полевых исследованиях бывших еврейских местечек Украины. Фольклористы Михаил Алексеевский (Государственный республиканский центр русского фольклора, Москва), Михаил Лурье (Европейский университет в Санкт-Петербурге), Анна Сенькина (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), а также антрополог Анна Кушкова (Европейский университет в Санкт-Петербурге) составили отдельную секцию, посвященную демонстрации и осмыслению экспедиционных материалов. Тему репрезентации архитектурного наследия штетла представила Алла Соколова (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Марина Хаккарайнен (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Университет г. Хельсинки) доложила о своей работе в проекте “Rural futures: ethnographies of transformation from Finland, Estonia, Ukraine and Russia” и рассказала о советских «предпринимателях» бывшей черты оседлости и их отношениях с государством. Александр Львов (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в докладе продолжил тему своего исследования субботников.

На Конгрессе также продемонстрировали свои исследования фольклористы Александр Панченко (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Санкт-Петербург) и Мария Каспина (Российский государственный гуманитарный университет, Москва), этнограф Татьяна Емельяненко (Российский этнографический музей, Санкт-Петербург), историк Виктор Кельнер (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург). Александр Иванов (Европейский университет в Санкт-Петербурге) вынес на обсуждение тему участия еврейских фотографов в формировании образа советского человека, находящуюся на стыке визуальной антропологии и политической истории. Валерий Дымшиц (Европейский университет в Санкт-Петербурге) показал содержательные параллели с фольклорным еврейским искусством в работах крупнейшего советского еврейского художника Анатолия Каплана.

Пятнадцатый Всемирный конгресс по иудаике стал тем местом, где на фоне разнообразных исследований российская иудаика смогла отразиться в зеркале мировых исследовательских тенденций и увидеть в нем свое собственное лицо. У этого лица оказалось отчетливо «антропологическое» выражение.

Валерий Дымшиц, Марина Хаккарайнен